ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

CERD

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНВЕНЦИЯ О ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Distr.
GÉNÉRALE

CERD/C/SR.1680
16 October 2008

RUSSIAN
Original: FRANÇAIS

КОМИТЕТ ПО ЛИКВИДАЦИИ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Шестьдесят шестая сессия

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О 1680-м ЗАСЕДАНИИ,

состоявшемся во Дворце Вильсона в Женеве в пятницу,
25 февраля 2005 года, в 10 час. 00 мин.

Председатель: г-н ЮТСИС

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ, ВКЛЮЧАЯ РАННЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОЦЕДУРЫ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ (*продолжение*)

Положение в Новой Зеландии

В настоящий отчет могут вноситься поправки.

Поправки должны представляться на одном из рабочих языков. Они должны быть изложены в пояснительной записке, а также включены в один из экземпляров отчета.

Поправки следует направлять в течение одной недели с даты выпуска настоящего документа в Секцию редактирования официальных отчетов, комната E. 4108, Дворец Наций, Женева.

Любые поправки к отчетам об открытых заседаниях Комитета будут сведены в единое исправление, которое будет издано вскоре после окончания сессии.

GE.05-40578 (EXT)

Заседание открывается в 10 час. 05 мин.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ, ВКЛЮЧАЯ РАННЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОЦЕДУРЫ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ (пункт 3 повестки дня) (*продолжение*)

Положение в Новой Зеландии (CERD/C/66/Misc.9; документ распространен в зале заседания только на английском языке)

1. Г-жа ДЖАНУАРИ-БАРДИЛЛЬ, выступая в качестве председателя Рабочей группы по мерам раннего предупреждения и процедурам незамедлительных действий, напоминает, что в июле 2004 года три неправительственных организации маори просили Комитет применить процедуру раннего предупреждения, чтобы призвать правительство Новой Зеландии снять свой законопроект о береговой линии и морском дне, который, по их мнению, являлся дискриминационным для маори, так как предусматривал прекращение их прав собственности на прибрежные зоны и морское дно. По мнению правительства, цель этого законопроекта заключалась в том, чтобы прояснить статус береговой линии и морского дна и сделать их собственностью Короны, соблюдая при этом права частной собственности, оформленные надлежащим образом.

2. В письме от 20 августа 2004 года Комитет запросил у правительства Новой Зеландии дополнительную информацию по этому законопроекту и график его принятия, поскольку, по сведениям из неправительственных источников, он мог быть принят до 31 декабря 2004 года. В сентябре 2004 года новозеландское правительство дало ответ на письмо Комитета и на утверждения, поступившие от неправительственных организаций, в котором решительно опровергло дискриминационный характер законопроекта. Он был принят 17 ноября 2004 года, а в декабре 2004 года две организации маори сообщили о том, что новый закон еще жестче ограничивает права маори, чем его проект. В письме Комитету от 17 февраля 2005 года правительство Новой Зеландии дало подробный ответ на утверждения организаций маори и поинтересовалось причинами, по которым была начата процедура раннего предупреждения.

3. Г-жа Джануари-Бардилль с удовлетворением отмечает, что новозеландское правительство очень внимательно отнеслось к поступившим от Комитета запросам информации, и что была направлена делегация для оказания ему помощи в рассмотрении ситуации в Новой Зеландии, касающейся земельного титула маори.

4. Г-н ГОГЛИ (Новая Зеландия) сообщает, что закон о береговой линии и морском дне, за который проголосовали 16 из 19 парламентариев-маори, является следствием постановления Апелляционного суда, вынесенного в июне 2003 года по делу *Нгати Апа против Министерства юстиции*. В целом суд изложил оговорки по поводу возможности для маори реализовать свои права собственности на береговую линию и морское дно и подтвердил принцип неисключительности использования и эксплуатации морской береговой зоны. Главная цель закона о береговой линии и морском дне – сохранить государственную прибрежную зону и дно моря как общее достояние всех новозеландцев и позволить Короне обеспечивать ее защиту, в том числе защиту зон народностей ванау, хапу и иви. Собственность Короны распространяется на всю береговую линию и морское дно, за исключением тех зон, на которые оформлены документы о праве частной собственности, в частности зоны маори.

5. Г-н Гогли отмечает, что, согласно закону, любая группа новозеландцев, которая с 1840 года имеет право на исключительное использование части прибрежной зоны и морского дна, может обратиться в Высокий суд с иском о подтверждении своих исконных территориальных прав. Закон также гласит, что священные места могут быть закрыты для свободного посещения при условии, что суд маори по земельным делам известит Министерство по охране окружающей среды и Министерство по делам маори о существовании таких мест.

6. Г-н Гогли при этом подчеркивает, что закон о береговой линии и морском дне вовсе не имеет целью заменить механизмы урегулирования споров, предусмотренные Договором Вайтанги, который включает признание исконных территорий маори и принесение Короной извинений в случае нарушения прав на эти территории, а также предоставление компенсации в денежной или натуральной форме. В этой связи Новая Зеландия в своем следующем периодическом докладе отчитается перед Комитетом об успехах в урегулировании жалоб, поданных на основании Договора Вайтанги. В числе предусмотренных законом мер возмещения ущерба следует выделить создание морского заповедника для маори.

7. Правительство Новой Зеландии полагает, что закон, оспариваемый организациями маори, соответствует Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и дает коренным общинам возможность добиться признания своих исконных территориальных прав. При этом представитель правительства подчеркивает, что документы на право частной собственности вследствие частой эрозии прибрежных зон охватывают четко определенные участки и не могут использоваться для приватизации морских зон. Как Комитет неоднократно признавал, не всегда есть возможность в полной мере удовлетворять земельные претензии коренных народов, особенно в отношении морских зон Новой Зеландии – страны, государственное морское пространство которой, будучи ограниченным, имеет неизмеримую ценность. Принимая закон о береговой линии и морском дне, новозеландское правительство считает, что оно применило взвешенный подход, поскольку в нем предусматривается компенсация коренным общинам, исконные территориальные права которых были нарушены, обеспечивая при этом защиту и стабильное рациональное использование морского дна.

8. Г-н ТОРНБЕРРИ, выступая в качестве докладчика по последнему периодическому докладу Новой Зеландии (CERD/C/362/Add.10), удивлен той оперативностью, с которой новозеландские власти отреагировали на постановление Апелляционного суда, вынесенное в июне 2003 года по делу *Нгати Апа против Министерства юстиции*, представив менее чем год спустя, 6 мая 2004 года, законопроект о береговой линии и морском дне. Рассматриваемые вопросы особенно сложны и, не предвосхищая позиции Комитета, свидетельствуют о той большой уязвимости, которая по-прежнему характерна для положения народа маори.

9. Г-н Торнберри полагает, что закон о береговой линии и морском дне за ноябрь 2004 года не только крайне сложен, но и ставит множество проблем, связанных главным образом с почти полным прекращением земельного титула маори. Положения этого закона подталкивают к вопросу о содержании обычного права в Новой Зеландии и особенно о практике действия обычных прав на подводные земли. Жаль, что из-за юридической неопределенности вокруг точного статуса земельных прав коренного

населения власти Новой Зеландии предпочли поспешно принять закон, который в конечном счете сокращает и даже акцентирует прекращение исконных земельных прав маори. В этой связи интересно узнать, существовала ли абсолютная необходимость издавать закон о правах земельной собственности маори на береговую линию и морское дно, и не было ли другого юридического решения, позволяющего гарантировать общий доступ в эти зоны. В самом деле, этим новым законом был введен режим, по которому, с одной стороны, Корона является полноправным собственником береговой линии и морского дна, которые становятся государственной собственностью, а с другой – маори утрачивают свои земельные права, но сохраняют для них основания. Ситуация, созданная новым режимом, ставит существенную проблему дискриминации, поскольку этот режим сильнее ущемляет земельные права маори, чем права не маори. Это противоречит Конвенции, которая обязывает государства-участники обеспечивать всем равное обращение.

10. Г-н Торнберри также отмечает, что в этом законе предусмотрены положения о возмещении («redress»), хотя с точки зрения международного права, возможно, было бы предпочтительнее употребить термин «компенсация» («compensation»). Он напоминает, что в своей общей рекомендации XXIII о правах коренного населения Комитет особенно рекомендовал государствам-участникам «признать и охранять права коренных народов владеть, обустраивать, контролировать и использовать свои земли, территории и ресурсы, а там, где их земли и территории, которыми они традиционно владели (…), принять меры для возвращения таких земель и территорий. Право на возвращение должно заменяться правом на справедливую и безотлагательную компенсацию только в тех случаях, когда возвращение земель и территорий представляется невозможным по уважительным причинам. Такая компенсация должна по мере возможности выплачиваться землями и территориями».

11. Кроме того, в соответствии с положениями о возмещении, предусмотренными этим законом, группа маори, которой было предоставлено право собственности на землю, не будет иметь возможность ни подать апелляцию в судебные инстанции, ни ходатайствовать о возмещении в какой-либо форме. Но ведь Апелляционный суд в 2003 году в своем решении по делу *Нгати Апа* указал, что в случае отмены земельных прав коренного населения ущемленные лица должны получить компенсацию и иметь возможность подать апелляцию в компетентные судебные органы. Было бы полезно получить от делегации уточнения по вопросу о фактическом существовании такого права обжалования, равно как и по вопросам возмещения и компенсации.

12. Г-н Торнберри при этом считает слишком жесткими те критерии признания земельных прав коренного населения, которые установлены этим законом. Он просит делегацию объяснить, почему наличие с 1840 года подтвержденной связи между народом маори и землями не является с точки зрения новозеландского права достаточным средством доказывания, чтобы предоставить маори титул земельной собственности.

13. Г-н Торнберри также считает, что некоторые положения нового закона противоречат целому ряду статей Конвенции, в частности статье 5, которая закрепляет право на равное обращение перед судами и право на равное участие в культурной жизни, и статье 6, которая закрепляет право каждого человека на эффективное средство обжалования и на подачу иска о справедливом и адекватном возмещении. Кроме того, этот закон нарушает

экономические, социальные и культурные права маори и несет угрозу духовной связи между народом маори и его землей.

14. Г-н Торнберри при этом напоминает еще об одном праве, которое косвенно закреплено международной судебной практикой в области прав человека, - о праве коренных народов на участие в принятии решений, которые их затрагивают. Поэтому он просит делегацию указать, проводились ли консультации с маори в ходе разработки законопроекта о береговой линии и морском дне и принимали ли маори участие в процессе законодательного приятия этого документа. Он также просит делегацию уточнить, были ли одобрены большинством маори те изменения, которые привнес данный закон.

15. Г-н АБУЛ-НАСР признается, что не вполне понимает тот общий контекст, в который вписывается закон о береговой линии и морском дне. Вероятно, привнесенное данным законом противоречие объясняется тем, что он предполагает наличие коллизии интересов между новозеландцами и маори, которые, по-видимому, рассматриваются как два отдельных социума, не относящиеся к одной стране.

16. Г-н Абул-Наср считает целесообразным рассматривать обе эти группы населения единообразно, то есть в данном случае подтвердить, что они представляют собой единый социум с одними и теми же правами и обязанностями. Он полагает недопустимым принимать закон с целью того, чтобы узнать, какая часть населения имеет права на тот или иной сектор территориальных вод или берегов Новой Зеландии.

17. Г-н КЬЕРУМ выражает удовлетворение тем, что новозеландское правительство готово к откровенному диалогу с Комитетом по вопросу об исконных земельных правах маори. Ситуация крайне сложная, и поэтому было бы желательно получить от делегации Новой Зеландии дополнительную информацию по ряду аспектов. В частности, он хотел бы узнать, какие значимые события произошли в период между вынесением Апелляционным судом решения по делу *Нгати Апа* в 2003 году и принятием закона о береговой линии и морском дне в 2004 году.

18. Г-н Кьерум также хотел бы знать, наладили ли власти Новой Зеландии диалог со всеми коренными общинами, затронутыми новым законом, привел ли этот закон к появлению напряженности между маори и нынешним правительством, и если да, то были ли приняты меры по устранению этой напряженности и установлению конструктивного диалога между сторонами.

19. Г-н АВТОНОМОВ просит делегацию сообщить, возникали ли еще до принятия закона о береговой линии и морском дне в 2004 году какие-либо юридические трудности в связи с исконными земельными правами маори, и, точнее, могло ли правительство опасаться, что признание исконных земельных прав является дискриминацией в отношении других лиц или групп лиц и угрожает правам земельной собственности Короны. В частности, было бы полезно понять, связан ли возникший спор с использованием этих земель или же с доступом к этим землям других лиц, кроме маори. Кроме того, г-ну Автономову хотелось бы, чтобы делегация Новой Зеландии объяснила причины, в силу которых заключительные положения нового закона столь значительно

отличаются от положений законопроекта и в конечном счете оказываются намного менее выгодными для маори.

20. Г-н ПИЛЛАИ отмечает, что цель закона 2004 года – обеспечить Короне полноправное владение и пользование прибрежными зонами и морским дном и сохранить их общественный характер, и спрашивает, в какой степени этот закон затрагивает земельные титулы на указанные зоны. Ему также хотелось бы знать, какая часть прибрежных районов и морского дна принадлежит маори, а какая - не маори.

21. Г-н Пиллаи далее просит делегацию сообщить, на какие мотивы могли бы ссылаться маори при подаче иска в связи с отказом в признании их прав на землю. Ему также хотелось бы знать, проводились ли консультации с маори в процессе разработки и принятия закона и намерено ли правительство консультироваться с этой общиной перед составлением подробных законоположений, касающихся установления прав на береговые и морские зоны.

22. Г-н ТАН Чэньюань просит делегацию Новой Зеландии указать, какие меры были приняты государством-участником для защиты исконных земельных прав коренных народов, проживающих на его территории. Он отмечает, что в соответствии с законом 2004 года об урегулировании споров маори относительно коммерческого разведения водных животных и растений общине маори выделено 20 % этих зон, и хотел бы знать, было ли это положение принято в сотрудничестве с общиной. Кроме того, он просит делегацию сообщить, принимали ли представители маори участие в официальной процедуре принятия закона.

23. Г-н ШАХИ говорит, что, хотя закон о береговой линии и морском дне – это не закон об экспроприации, который полностью лишал бы маори их прав на землю, он все же нарушает целый ряд этих прав, если его рассматривать с точки зрения обычного права коренных народов, признаваемого в международном праве. Учитывая порождаемые этим законом противоречия, г-н Шахи полагает, что Комитету следует рекомендовать представителям маори и правительства Новой Зеландии активизировать переговоры с целью поиска внесудебного соглашения, вероятно, с опорой на добрые услуги Комитета, авторитетных должностных лиц с опытом решения подобных проблем в других странах или международных арбитров.

24. Г-н КАЛИ ЦАЙ удивлен упоминанием о полном признании исконных прав собственности на землю, когда новый закон, очевидно, предусматривает изъятие этих прав у народа маори. С другой стороны, аргумент о том, что 16 из 19 депутатов-маори одобрили этот закон, отнюдь не свидетельствует о том, что закон одобряют все маори. Подобно членам любого парламента, эти депутаты следуют линии политических партий, которые обеспечили их избрание, и необязательно выражают точку зрения маори.

25. Г-н БОЙД в свете того, что одним из основных устремлений правительства Новой Зеландии при принятии закона о береговой линии и морском дне было гарантировать всеобщий доступ к этим зонам и побережью, спрашивает, нельзя ли было найти менее радикальные решения, чем закон, влекущий за собой полное прекращение исконных земельных прав, например предоставление ограниченных прав прохода. Г-н Бойд хотел бы знать, предусматривалось ли такое решение, и если да, то почему оно было отклонено.

26. Г-н Бойд отмечает, что этот закон, по-видимому, вполне недвусмысленно поощряет земельные интересы, которые защищены титулом частной собственности и которые сохраняются в полном объеме, в ущерб земельным интересам по обычному праву маори, которые этот закон полностью прекращает, в результате чего сводится на нет всякая возможность уступки земель, регулируемых обычным правом, по их справедливой рыночной стоимости. В этой связи г-н Бойду хотелось бы получить более конкретные разъяснения критериев компенсации, которые, видимо, не основаны на рыночной стоимости.

27. Наконец, г-н Бойд отмечает, что некоторые критерии признания исконных земельных прав, определенные Высоким судом на случай подачи иска, - например, факт непрерывного занятия этих земель с 1840 года, - являются средствами доказывания, которые с трудом поддаются установлению. Он спрашивает, не является ли это препятствием для действительного признания этих прав.

28. Г-н АМИР говорит, что на международном уровне редко встречаются примеры двунационального государства, в котором сосуществовали бы две нации. Нелегко определить место обычного права по отношению к международному праву и по отношению к внутреннему праву, применимому к тем, кто не относится к маори, причем обширная юридическая литература, представленная правительством Новой Зеландии, не позволяет в столь короткий срок осознать, как можно было дойти до нынешней ситуации, которая, вероятно, равнозначная экспроприации. Г-н Амир хотел бы знать, могут ли маори, которые не проживают в прибрежных зонах, также быть лишены земель по причине коллизии между современным правом и обычным правом. Он также спрашивает, не должно ли обычное право иметь равную силу, позволяющую признать территориальный суверенитет маори, поскольку они являются признанной нацией.

29. Г-н ВАЛЕНСИЯ РОДРИГЕС отмечает, что, согласно общей норме морского права, пляжи и континентальный шельф считаются угодьями, относящимися к собственности государства. Они могут являться объектами частной собственности только в двух случаях: когда имеется более ранний земельный титул, официально признанный государством, и когда государство при определенных условиях уступило частным лицам право собственности на все эти угодья или на их часть. При этом все жители страны с учетом действующих законодательных положений, на основе равенства и без всякой дискриминации имеют право пользоваться национальными ресурсами, находящимися на морской территории государства. В этой связи г-н Валенсия Родригес хотел бы знать, какие нормы предусмотрены законодательством Новой Зеландии в отношении режима использования этих ресурсов и имеют ли некоторые группы новозеландского населения более благоприятный режим в ущерб маори. В частности, традиционные и исконные права маори не соблюдены в новом законодательстве, хотя они признаны и приняты Новой Зеландией. Эксперту хотелось бы знать, планирует ли новозеландское правительство провести переговоры с маори, чтобы признать те права, которые можно считать традиционными и исконными.

30. Г-жа ДЖАНУАРИ-БАРДИЛЛЬ указывает, что, по-видимому, между правительством Новой Зеландии и народом маори существуют довольно хорошие отношения, ряд позитивных аспектов которых был выделен Комитетом в его общих замечаниях в 2002 году, в частности большое число мероприятий, которые проводились во многих областях

в стремлении удовлетворять специфические потребности маори. В таком контексте простое прекращение обычных прав выглядит как весьма радикальный способ решения вопроса о прибрежной территории.

31. Комитет нередко констатировал, что те исключительные меры, которые принимаются правительствами для устранения неравенства или неблагоприятной ситуации для какой-либо части населения, нередко истолковываются как предпочтение, что вызывает чувство неприятия. Поэтому г-жа Джануари-Бардилль спрашивает, не была ли та быстрота, с которой принимался законопроект о береговой линии и морском дне, направлена – помимо решения вопросов доступа, упорядочения и защиты – еще и на предупреждение такого чувства неприятия.

32. Г-н СИСИЛИАНОС констатирует, что закон о береговой линии и морском дне наверняка планировался как окончательный, но что еще остается многое сделать для урегулирования имеющихся проблем, в частности с определением обычных прав маори и возмещением за прекращенные права собственности. Но одно дело – принять закон, а другое – применять его, как уже подчеркивал г-н Бойд по поводу средств доказывания, требуемых для признания обычных титулов собственности, действие которых истекает. По мнению двух профессоров Викторианского университета в Веллингтоне, в этом законе восприняты наиболее ограничительные критерии и австралийского, и канадского права, в результате чего этот закон о правах коренного населения становится самым консервативным из действующих законов Австралии, Канады и Новой Зеландии. Поэтому г-н Сисилианос хотел бы знать, намерена ли Новая Зеландия проявлять гибкость в применении положений о нормах доказывания. Ему также хотелось бы знать, имеется ли политическая воля предоставить маори адекватное возмещение в соответствии с принципом оперативной и всеобъемлющей компенсации, который был недавно кодифицирован Комиссией международного права в рамках кодификации международного права ответственности государств.

33. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предоставляет делегации Новой Зеландии несколько минут для подготовки ответов на вопросы членов Комитета.

Заседание прерывается в 12 час. 10 мин. и возобновляется в 12 час. 20 мин.

34. Г-жа ХАРДИ (Новая Зеландия) сообщает, что новый закон о береговой линии и морском дне нацелен на обеспечение тех же самых прав, в отношении которых Апелляционный суд в июне 2003 года вынес постановление по делу *Нгати Апа против Министерства юстиции*, то есть существующих обычных прав собственности (*Customary property rights*), а не прав, которые по разным причинам уже были утрачены коренными народами. Она также настаивает на том, что новый закон не направлен на упорядочение вопросов о правах коренного населения в целом.

35. В ответ на озабоченность ряда экспертов, согласно которым новый закон негласно направлен на прекращение прав коренных жителей в прибрежных и морских зонах, г-жа Харди отвечает, что Новая Зеландия – это единственная в мире страна, которая признает за коренным населением его обычные территориальные права (*Territorial customary rights*) на морские зоны. Для сравнения она отмечает, что в Австралии коренным жителям, конечно, предоставлено право узуфрукта (*use right*) на некоторые морские районы, но там

этот принцип не включен в общее право (*common law)*. Кроме того, Новая Зеландия предоставила коренному населению право пользования зонами, на которые распространяется данный оспариваемый закон, приняв в 2004 году два закона, особо выгодных для маори: закон о рыбном промысле маори (*The Maori Fisheries Act*), согласно которому им выделена 20-процентная промысловая квота, и закон об урегулировании жалоб маори в связи с коммерческим разведением морских животных и растений (*Maori Commercial Aquaculture Claims settlement Act*), по которому им предоставлена 20-процентная доля всей гидропоники.

36. Г-жа Харди, комментируя эти законы, напоминает четыре критерия, предусмотренные в статье 50 закона о береговой линии и морском дне, на которые опирается Суд маори по земельным спорам (*Maori Land Court*) в вопросах признания обычных прав маори на соответствующие районы. Первый критерий, в значительной степени основанный на положениях канадского законодательства по аналогичным вопросам, предусматривает, что предъявляемые коренными жителями виды практики или деятельности должны являться с 1840 года составной частью их обычая – «тиканга». Согласно второму критерию, эти виды практики или деятельности должны с указанного года непрерывно осуществляться в прибрежных или морских зонах; в противном случае соответствующие права могут считаться прекращенными. По третьему критерию рассматриваемые виды практики или деятельности должны продолжать осуществляться в соответствии с «тиканга» при условии, что соответствующие права маори остаются в силе и не были утрачены по той или иной причине или изъяты Короной даже без законных на то оснований. Наконец, четвертый и последний критерий предусматривает, что рассматриваемые виды практики или деятельности не должны были быть запрещены каким-либо законом или судебным постановлением. В свете этих разъяснений г-жа Харди оспаривает аргументы экспертов о том, что установленный в Новой Зеландии режим признания прав коренного населения является особо жестким и драконовским по сравнению с аналогичными режимами в Канаде или Австралии. Она добавляет, что если коренным жителям трудно доказать, что их промыслы удовлетворяют перечисленным критериям, обеспечивающим полное право собственности на упомянутые зоны (то есть право эксклюзивно занимать и использовать их), то для подтверждения своих прав им следует обращаться в органы, отличные от тех, которые оговорены в законе о береговой линии и морском дне.

37. Последствия решений, вынесенных Судом маори по земельным спорам, подробно изложены в статье 52 закона о береговой линии и морском дне. Следует особо отметить, что эта статья закрепляет право народностей ванау, хапу и иви на получение коммерческой прибыли от использования соответствующих зон в соответствии с условиями, предусмотренными законом о рациональном использовании ресурсов (*Resource Management Act*) 1991 года, который регламентирует коллизии между коммерческими интересами и охраной окружающей среды.

38. Что касается защиты священных мест («вахи тапу»), то статья 54 закона о береговой линии и морском дне дает маори возможность обращаться в Суд маори по земельным спорам, если они считают, что права доступа в такие места, имеющие для них особое значение, наносят ущерб этим местам. В таком случае Суд маори по земельным спорам обращается в компетентные министерства – Министерство по охране окружающей среды

(Ministry of Conservation) и Министерство по делам маори, которые могут ограничить или закрыть доступ в эти места.

39. У маори также есть возможность обратиться в Высокий суд за подтверждением того, что они могут претендовать на обычное территориальное право на те прибрежные зоны и районы морского дна, которые не были предоставлены Короне.

40. Касаясь вопроса о выборе термина «возмещение» вместо термина «компенсация», представительница Новой Зеландии отмечает, что в Договоре Вайтанги, направленном на урегулирование споров между Короной и маори, был употреблен именно термин «возмещение». Целью такого выбора было обеспечить гибкость процесса и надлежащим образом учесть интересы маори в районах побережья и морского дна, а не ограничиваться выплатой им денежной компенсации. В этой связи стремление новозеландского правительства к добросовестному продолжению переговоров с различными племенами с целью обеспечения им компенсации не подлежит сомнению. В подтверждение этого г-жа Харди упоминает поддержку, которую правительство оказывает этим племенам в финансовом плане и в сборе данных, позволяющих Высокому суду сделать вывод о том, что критерии признания обычных прав соблюдены, регулярное проведение совещаний между компетентными министерствами и группами маори, посещение местечек Нгати Пору и Те Ванау-а-Апануи видными представителями Короны, а также выраженную компетентными министрами готовность достичь соглашений по возмещению до конца первой половины 2005 года.

41. Что касается различий в отношении к титулам частной собственности (s*pecified freehold interests or private title*), которые не ставились под сомнение в законе о береговой линии и морском дне, и обычным территориальным интересам (*customary territorial interests*) маори, которые якобы оказались под угрозой, то г-жа Харди предлагает членам Комитета ознакомиться с документацией по этому вопросу, переданной правительством Новой Зеландии. Она лишь уточняет, что в целом ни один титул частной собственности не выдан на морские зоны, которые представляют собой «особое правовое пространство», где право судоходства регулируется международным правом, и которые должны быть доступны всем лицам, посещающим их для отдыха. Те редкие частные наделы, которые расположены вдоль побережья и на береговой линии, представляют собой участки, которые подверглись эрозии и протяженность которых по побережью составляет лишь 6,4 км; это ничтожно мало по сравнению с той площадью, которую требуют маори на берегу и морском дне, ссылаясь на свои исконные территориальные права.

42. Г-жа ХИППОЛИТ (Новая Зеландия) обобщает основные позиции графика принятия закона о береговой линии и морском дне, начиная с вынесения Апелляционным судом в июне 2003 года постановления по делу *Нгати Апа против Министерства юстиции*. В августе 2003 года правительство опубликовало рабочий документ по этому вопросу, затем компетентные министры и парламентарии встретились с представителями иви и маори, а также с представителями различных заинтересованных сторон. В сентябре–декабре 2003 года заместитель премьер-министра, министр по делам маори и генеральный прокурор продолжали этот диалог с представителями маори и рассмотрели переданные им письменные материалы. После слушания, состоявшегося в апреле 2004 года в Суде Вайтанги, законопроект о береговой линии и морском дне был направлен в парламент.

Рассмотрение законопроекта началось в мае 2004 года и завершилось 17 ноября 2004 года, когда он и был принят.

43. Г-н ТОРНБЕРРИ напоминает о сложности данной темы, которая требует одновременно примирения интересов различных групп населения и учета целого ряда правовых норм, а именно правовой системы «западного» типа и системы обычного права, уходящей в глубь вековых традиций коренного населения, следя при этом, чтобы участники процесса находились в равных условиях. Он с удовлетворением отмечает высокое качество диалога между делегацией Новой Зеландии и Комитетом, а также письменной документации, представленной новозеландским правительством, которая дала членам Комитета возможность составить более точное представление о споре вокруг исконных земельных прав маори.

44. Г-н ГОГЛИ (Новая Зеландия) выражает удовлетворение участием в диалоге с Комитетом, который дал его делегации возможность подробно разъяснить содержание закона о береговой линии и морском дне, вызвавшего, по-видимому, у Комитета серьезную озабоченность. В этой связи он подтверждает непоколебимую приверженность Новой Зеландии правам человека.

45. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ сообщает, что Комитет в ближайшее время выразит свою позицию по обсуждавшемуся вопросу и в кратчайшие сроки препроводит государству-участнику свои заключительные замечания.

46. *Делегация Новой Зеландии покидает зал заседаний.*

Заседание закрывается в 13 час. 05 мин.